

які мали або так часто попадали в психіку дітей, що були примушені нудитись у хаті в дощовий день» [2, 84].

У звичному ритмі буденного життя в Інституті шляхетних дівчат наставали моменти, які з щирим духовним піднесенням переживала Ноель: це були святкування Різдва та велич Великодньої ночі, щире спілкування з декількома близькими за духом людьми (сестра Аліна, Таїса), відвідини київських монастирів напередодні завершення навчання. Здавалось, що у ці моменти час іде зовсім по-іншому, а не звично, як у хвилину переживань: «*Такав*» тільки годинник. *Механічне серце числило хвилини життя.*

Ноель відтворила в пам'яті всі події сьогоднішнього дня – так, як учили її робити це в монастирі: без роздратування, спокійно, немов усе, що скоїлося, торкалось не її, а іншої, чужої їй, особи. Була вона винна чи ні?» [2, 129].

Особливо глибоко плинність часу переживала Ноель із зміною настроїв природи, душа героїні поривається з чужого їй простору в щасливий південний рай: «*Ноель сперлася на вікно й дивилася на голі ще дерева в садку. Обривки думок, як обривки цинових хмар на небі, пливли в її голові. Усміхнулася криво:*

– І це – місяць лючень... Карнавальні дні!

А "там"!.. Там цвітуть солодко запасні мімози, вулиці повні гамору, сміху, жарту. Маски, походи серед пісень і сміху, сміху, сміху... А далі прийде травень... Знову всюди – на майданах, на вулицях, у садках – танці завітчаних трояндами дівчат. І це щовечора! А перед тим – урочисті Марійські співи з костьолів, уривчасті акорди органів...» [2, 119].

Образ Ноель, так майстерно змальований Наталеною Королевою, є підтвердженням того, що вдивляючись у нього, пізнаємо і «соціально-історичний хронотоп автора і самі об'єктивні явища» [1, 161]. Суб'єктивність сприйняття часу головною героїнею повісті «Без коріння» найповніше реалізується у просторових образах, сповнених яскравих барв та звуків.

Література

1. Копистянська Н.Х. Час і простір у мистецтві слова : монографія / Н.Х. Копистянська. – Львів : ПАІС, 2012. – 343 с.
2. Королева Наталена. Без коріння. Во дні они. Quid est Veritas? / Наталена Королева. – Дрогобич : Відродження, 2007. – 672 с.

Карпина Е.С.,

аспірантка,

Горловский институт иностранных языков

ГВУЗ «Донбасский государственный

педагогический университет» (Артёмовск)

ТЕМПОРАЛЬНАЯ СТРУКТУРА РОМАНА ВСЕВОЛОДА СОЛОВЬЁВА «ВОЛЬТЕРЬЯНЕЦ»

Роман Всеволода Соловьёва «Вольтерьянец» (1882) является второй частью пенталогии «Хроника четырёх поколений», посвящённой описанию судеб представителей дворянского рода Горбатовых. Произведение написано в жанре семейной хроники. Хроника (греч. *chronos* – время) – это «литературный жанр, излагающий исторические события в их временной последовательности» [2, 1171]. Семейная же хроника представляет собой своеобразный синтез исторического и семейно-бытового романов, поскольку события жизни главных героев (в данном случае дворян Горбатовых) соотносятся с историческими событиями описываемой автором эпохи.

В центре хроники – время как субъект исторического процесса. Если в собственно историческом романе внимание автора сосредоточено, главным образом, на характерах и взаимоотношениях действующих лиц, являющихся активными участниками исторического процесса, то в хронике организующей силой сюжета является сам необратимый и всеподчиняющий ход времени, которому подвластны судьбы персонажей.

Исходя из композиции и жанрового своеобразия произведения, в его темпоральной структуре нами выделено несколько временных пластов: событийное время,

повествовательное, хроникально-бытовое, историческое и перцептуальное.

Событийное время – изображённое время, в котором разворачиваются события произведения. Событийное время романа «Вольтерьянец» связано, главным образом, с событиями, имевшими место в судьбе Сергея Горбатова, главного героя первых двух частей пенталогии, а также в императорской семье.

Повествовательное время – время изображения описанных в произведении событий. Данный вид целесообразно выделять в качестве составляющей художественного времени в том случае, если в произведении заметную роль играет автор или если им создан образ вымышленного автора, рассказчика, повествователя как своего рода «ретранслятора» художественного замысла. В большинстве случаев повествовательное время короче событийного, в чём проявляется закон «поэтической экономии» [1, 190].

Повествователь в романах «Хроники четырёх поколений» охватывает панораму описанных им событий с высоты «птичьего полёта». Время изображения и изображённое время разделяют 94 года (действия пенталогии начинают развиваться в 1788 г.). Повествование основано на воспоминаниях, содержащихся в дневнике Сергея Горбатова, случайно найденном «хроникёром» в старинном заброшенном доме, некогда принадлежавшем семье Горбатовых. Таинственные рукописи, доставшиеся вымышленному автору-издателю, – один из приёмов литературной игры Вальтера Скотта, создателя современного исторического романа, одним из подражателей которого был Вс. Соловьёв.

Историческое время – форма художественного времени, которой присущи линейность, непрерывность, необратимость, бесконечность и всеобщность. В рамках исторического времени все события, независимо от их размещения в пространстве, находятся в одном временном ряду, причём их последовательность предполагает не только учёт хронологии, но и выявление причинности (в цепи событий исторического времени в принципе нет разрывов, хотя не все звенья изображаются). Только в качестве элементов этого же самого ряда мыслимы любые другие события, т.е. событийное время включается в более широкий поток времени и изображается на фоне точно определённой исторической эпохи.

Основными способами воссоздания исторического времени в романе являются: использование романистом исторических дат и введение в него «примет времени»; годы правления монархов и восхождения на престол с последующей коронацией их преемников; указание на точный возраст некоторых исторических персонажей (в том числе, рождение, совершеннолетие, смерть); даты написания поэтических произведений Г.Р. Державина; датировка писем членов императорской семьи.

Хроникально-бытовое время – разновидность художественного времени, функция которой заключается в воспроизведении устойчивого уклада жизни, повторяющихся изо дня в день, из года в год действий и поступков героев. Динамика такого времени крайне условна: в большинстве случаев оно остаётся «пустым», редко «населённым» событиями [3, 76], и, таким образом, не двигает сюжет от завязки к развязке. Хроникально-бытовое время в отличие от событийного не имеет безусловного начала и конца. Хроникально-бытовое время соответствует художественному пространству Гатчины – резиденции цесаревича Павла Петровича, населённой приближёнными к нему людьми. «Здесь время будто остановилось» [4, 71].

Перцептуальное время – время, относящееся «к сфере восприятия реальной действительности отдельным человеком» [5, 17]. Ощущение времени каждым персонажем субъективно. В индивидуальном восприятии возможны смещения объективного хода времени, воссозданного в произведении, т.е. ускорения или замедления. Перцептуальное время может быть представлено воспоминаниями, ожиданиями, предчувствиями, мечтами, снами.

Перцептуальное время играет очень важную роль в судьбе большинства персонажей романа. Густав Адольф и великая княжна Александра Павловна, мечтают ускорить ход времени в надежде на близкое счастье. Екатерина II как никто другой чувствует, как быстро летит время и безвозвратно уходят её дни. А.А. Безбородко и П.А. Зубов многое отдали бы, лишь бы замедлить время, ибо чувствуют, что после воцарения нового правителя потеряют

всё то, что ещё сегодня в их власти. Л.А. Нарышкин после кончины императрицы становится заложником прошлого и не находит в себе сил жить дальше. Прошлое не проходит бесследно для Сергея Горбатова и Тани Пересветовой и имеет значительное влияние на их настоящее: годы, проведённые в разлуке, помогают им понять, насколько сильными являются их взаимные и проверенные годами чувства и как сильно они дорожат друг другом.

Таким образом, художественное время в романе Всеволода Соловьёва «Вольтерьянец» представлено пятью пересекающимися и дополняющими друг друга пластами: событийным, повествовательным, хроникально-бытовым, историческим и перцептуальным. Перспективы наших дальнейших исследований связаны с изучением особенностей репрезентации художественного времени в следующих частях пенталогии.

Литература

1. Введение в литературоведение : учеб. пособие / Л.В. Чернец, В.Е. Хализев, А.Я. Эсалнек и др. ; под ред. Л.В. Чернец. – М. : Высшая школа, 2004. – 680 с.
2. Литературная энциклопедия терминов и понятий / [под ред. А.В. Николюкина]. – М. : НПК «Интелвак», 2001. – 1600 стб.
3. Лихачев Д.С. Внутренний мир художественного произведения / Д.С. Лихачев // Вопросы литературы, 1968. – № 8. – С. 74–87.
4. Соловьёв Вс. Собр. сочинений : в 9 т. / Вс. Соловьёв. – М. : ТЕРРА–Книжный клуб, 2009. – Т. 4 : Хроника четырёх поколений: Вольтерьянец : истор. Роман. – 448 с.
5. Тураева З.Я. Категория времени. Время грамматическое и время художественное (на материале английского языка) : учеб. пособие [для ин-тов и фак. иностр. яз.] / З.Я. Тураева. – М. : Высшая школа, 1979. – 219 с. – (Б-ка филолога).

Кирюшкина М.И.,

магистр филологических наук,
Гомельский государственный университет
имени Ф. Скорины (Республика Беларусь)

ФИЛОСОФИЯ СУБЪЕКТИВНОГО ВРЕМЕНИ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ «ЖЕНСКОГО НАЧАЛА» НА ПРИМЕРЕ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ ЖЕНСКОЙ ПОЭЗИИ

В современной социально-культурной среде важным для обсуждения является вопрос о специфике женской субъективной репрезентации в искусстве или других его подсистемах, что рассматривается двусторонне: с позиции крайнего отрицания или осмысления в контексте культурного / социального мужского опыта. Полоролевые нормы поведения индивида в обществе определяются через следующие дефиниции: мужчина – это человек, женщина – это только представитель женского пола, так как, если она ведет себя как человек, предполагают, что она перенимает социальные функции и роль мужчины. Вопреки культурной парадигме, где женщине чаще отводится вторичная роль, теперь открыто представлен женский дискурс в литературе. Поэтому актуальной является проблема выявления специфических “женских” средств литературной выразительности при отображении женской субъективности в художественных текстах. Это связано со стремлением женщин показать те эстетические и нравственно-духовные представления, что не фиксируются в художественных текстах мужчинами.

Функция авторства в традиционной культуре, по словам Р. Барта [1], служит объяснением происхождения текста, его единства и гомогенности, поэтому традиционная интерпретация текста осуществляется в терминах авторской биографии, исторической ситуации того, кто пишет, социальной позиции, желаний – как попытка зафиксировать и контролировать значение и внутреннюю связность текста. Женщины-авторы способны создавать художественные произведения в рамках мужской традиции. Но в их творчестве обязательно присутствуют произведения/тексты, в которых реализуется уникальная «женская сущность». Стремление к творческой самоидентификации, активный поиск новых формально-стилистических возможностей, определенные философские потенции в среде женщин-авторов породили творческую диффузию в выявлении переживаний и морально-духовных ориентиров авторов. Женская поэзия отличается от мужской не только качественно-